

В. Авдеенко

Киевские князья монгольской и литовской поры

Посвящается моему отцу Анатолию Авдеенко — большому ученому и прекрасному человеку

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киевская Русь достигла своего расцвета при князе Ярославе Мудром в XI веке, и в это время она представляла собой централизованное государство. Князья назначались на ключевые столы, они были подотчетны великому князю, собирали для него налоги, выставляли по его требованию дружины для защиты от внешнего врага.

На княжеских столах при Ярославе сидели его сыновья или братья (некоторые — сводные), все это был единый княжеский род, за исключением, быть может, князей болховских, о которых известно крайне мало и чье происхождение до конца не ясно.

Ярослав разделил свою державу между сыновьями, старшему из них — Изяславу — он завещал Киев. После смерти Ярослава в 1054 году относительное спокойствие продлилось почти 15 лет. Изяслав, как и завещал ему отец, правил в

Киеве, при этом фактически он объединил свои усилия с братьями — Святославом, чьей вотчиной был Чернигов, и Всеволодом, княжившим в Переяславле.

Триумvirату Ярославичей удавалось более-менее исправно управлять наследством отца вплоть до 1068 года, когда они потерпели сокрушительное поражение от половцев на реке Альте. С этого времени на Руси началась политическая нестабильность, продолжавшаяся вплоть до татаро-монгольского нашествия, которое, впрочем, также не прекратило междоусобицу.

Коротким периодом стабильности стало правление Владимира Мономаха, добившегося киевского стола под конец жизни (1113–1125), и его сына Мстислава Великого (1125–1132), после чего междоусобица разгорелась с новой силой.

При этом в XII веке наблюдается обособление княжеств от Киева, которые превращаются в полунезависимые государства. Во многих землях — Волынской, Галицкой, Суздальской, Черниговской, Полоцкой — образуются местные княжеские династии, которые стараются не пускать к себе чужаков.

Исключениями из этого складывающегося правила были, пожалуй, Новгород и Киев — два древнейших города, издавна спорившие за первенство на Руси. Со временем Новгород оставил

столичные амбиции, но его горожане, как и прежде, культивировали свою независимость. Не имея собственной княжеской династии, они сами выбирали себе правителя, которого могли выгнать из города так же легко, как до этого призвать на княжение.

Киев тоже не имел своей династии, тем не менее, недостатка в желающих сесть на его стол никогда не было — даже перед угрозой смертельной опасности в лице сперва половцев, а потом и татаро-монголов.

Несмотря на то что Киев в XII столетии перестал быть столицей в полном смысле этого слова, оставаясь лишь первым среди равных, он не потерял своей притягательности для князей, более того, даже после монголо-татарского нашествия и разорения Киев был все так же важен и привлекателен для них.

В Киеве после нашествия оставалась резиденция митрополита, здесь, несмотря на разорение, посвящались им в сан епископы со всей Руси. Лишь в 1300 году резиденцию перенесут на север, во Владимир, и это будет связано, вероятно, с политикой, а не с социально-экономической ситуацией в Киеве.

Одной из главных причин ослабления Киева стали изнурительные междоусобные войны князей за право им править. К приходу монголо-татар на

Русь Киев, как и другие города Руси, прежде всего на юге, был истощен в этой борьбе, а само нашествие окончательно подорвало бывшее могущество столицы некогда одного из наиболее сильных государств Восточной Европы.

Ослабление Киева и Руси в целом, скорее всего, было предопределено как субъективными, так и объективными причинами. Но ответственность за полную деграцию края, утрату им суверенитета лежит на его правителях.

Разрушение Киева войсками хана Батые и его дальнейший упадок перекроили, как бы сказали сегодня, геополитическую карту Европы, предопределив многие тенденции на века вперед, вплоть до наших дней.

Часть первая

КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ МОНГОЛЬСКОЙ ПОРЫ

Глава первая

БОРЬБА ЗА КИЕВ

1

Киев в период феодальной раздробленности, когда земли и княжества отделялись, возвращая

собственные княжеские династии, был центром не только Киевской земли, но и оставался главным городом Руси, желанным для любого князя.

Более того, Киев нельзя в полном смысле слова назвать столицей собственно Киевского княжества, как, например, Галич — Галицкого, Рязань — Рязанского или Смоленск — Смоленского. Подтверждением тому может быть ситуация, сложившаяся во второй половине XII столетия, когда на киевском столе сидел истинный герой «Слова о полку Игореве» — Святослав Всеволодович, — тогда как Киевской землей управлял Рюрик Ростиславович из ставки во Вручии (современный Овруч). Его сын, Владимир Рюрикович, правивший в Киеве незадолго до татаро-монгольского нашествия, когда терял город, также уходил во Вручий.

Основы такого положения были заложены еще во времена централизованности Древнерусского государства, когда великое княжение в Киеве получал старший в роду — при этом право на великокняжеский престол на Руси переходило не от отца к сыну, а от брата к брату, потом — к старшему сыну, а затем снова — по горизонтальной линии.

С усугублением раздробленности правила великокняжеского наследования все чаще стали нарушаться, что только обостряло междоусобицу.

Отдельные князья и целые княжеские роды вели изнурительные войны за различные земли бывшего Древнерусского государства, главным призом в которых неизменно оставался Киев.

Как пишет в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен» Сергей Михайлович Соловьев, «...на Руси не было единого государя; в ней владел большой княжеский род, единство которого поддерживалось тем, что ни одна линия в нем не имела первенствующего значения и не подчиняла себе другие в государственном смысле, но каждый член рода в свою очередь вследствие старшинства физического имел право быть старшим, главным, великим князем, сидеть на главном столе, в лучшем городе русском — Киеве... главная цель усобиц была поддержать свое право на старшинство, свое место в родовой лестнице, от чего зависело владение тою или другою волостию. Но если верховным желанием, главною заветною целию для каждого полноправного князя-родича было достижение первой степени старшинства в целом роде и если с этою степенью старшинства необходимо связывалось владение лучшим городом на Руси, матерью городов русских — Киевом, то понятно великое значение этого города для князей».

Как говорит цитируемая историком летопись, «...да и кто не полюбит киевского княжения? Ведь

здесь вся честь и слава, и величие, глава всем землям русским Киев; сюда от многих дальних царств стекаются всякие люди и купцы, и всякое добро от всех стран собирается в нем».

XII век ознаменовался обострением междоусобной борьбы за Киев, которую развязали в начале столетия смоленские Ростиславичи и черниговские Ольговичи. Княжеская вражда происходила под неусыпным контролем владимирского князя.

Во втором десятилетии XII века ситуация изменилась. В 1212 году умер Всеволод III, правивший Владимиро-Суздальским княжеством 32 года. В том же году умер Всеволод Чермный из Чернигова, который последние семь лет своей жизни провел в бесконечных войнах за Киев. Власть в южной столице получили Ростиславичи, и на десятилетие на юге установилось относительное затишье. Непокойствие перемещается на север — во Владимир, и в особенности в Новгород.

2

Население Киева в период его расцвета оценивается в 50 тысяч человек — именно эта цифра практически всеми исследователями считается верной. По оценке Михаила Грушевского, в Киеве с пригородами было 100

тысяч жителей. Ни один город Древней Руси не мог сравниться по численности жителей с Киевом. Так, во втором городе Древнерусской державы — Новгороде, — по оценкам историков, проживало около 30 тысяч человек. Численность населения Киева считалась высокой и для Европы и была сопоставима с показателями таких столичных городов, как Париж и Лондон.

У нас нет данных об уменьшении количества жителей перед татаро-монгольским нашествием. Вероятно, население не росло по сравнению со временем Ярослава Мудрого, но и вряд ли сокращалось.

Местоположение города с точки зрения его безопасности можно считать практически идеальным. Его колыбелью стала высокая неприступная гора, возвышавшаяся над рекой. Именно эта часть Киева известна как Город Владимира. Сегодня это — исторический центр, в котором закономерно сосредоточена основная масса памятников архитектуры и истории.

Уже при Ярославе Мудром город значительно расширился, при этом границы Города Ярослава считаются хрестоматийными. Это, прежде всего, крепостная стена и городские ворота. Сегодня в Киеве существует улица Ярославов вал — ее имя говорит само за себя. Она протянулась от Золотых ворот, воссозданных на месте оригинальных, до

Львовской площади, где в древности находились Львовские (другое название Жидовские) ворота. Эти ворота выходили на запад, откуда и название. Второе название может свидетельствовать о том, что вблизи них был квартал, населенный евреями, вероятно хазарскими.

Были еще третьи ворота — Лядские. Они выходили на юг, именно через них воины Батыя проникли в город. Сегодня на их месте — Майдан Незалежности, бывшая площадь Октябрьской революции.

Откуда такое название — до конца не ясно. По одной из версий, оно связано с поляками — ляхами, однако источники не сообщают о местах компактного проживания польского населения в Киеве. По другой версии, оно происходит от слова «ляда», которое означает расчищенное от леса место, — к Лядским воротам в древности подходили лесистые заросли.

На плоской местности возле реки раскинулся Подол, который по площади превосходил многие города Киевской Руси, да и Верхний город тоже. Здесь находился торгово-ремесленный посад, а также порт. Подол, как и весь остальной Киев, за исключением нескольких каменных церквей и княжеских дворцов, был деревянным и часто страдал от пожаров.

Здесь находилось торжище, на котором также собиралось народное вече. В 1068 году князь Изяслав Ярославич поссорился с киевлянами и перенес «торговище» с Подола в Верхний город. Как говорит летописец, «Изяслав же взогна торг на гору». Вероятно, сделал он это, желая оказывать более решительное давление на вечевые сходки. Впоследствии торговище перешло опять на Подол, сообщает Владимир Антонович в своем исследовании о древнем Киеве.

Подол того времени был также укреплен, он был обнесен палисадом, который тянулся между киевскими холмами и Днепром.

Укрепление проходило чуть дальше современных улиц Нижний вал и Верхний вал — от горы Щекавица, что напротив Житнего рынка, до улицы Почайнинской. В древнем Киеве корабли и суда швартовались не на Днестре, а на Почайне, которая создавала удобную и безопасную гавань.

В двух километрах к югу от города лежало село Берестово, в котором князь Владимир Святославич построил княжеский двор. Вблизи Берестова был основан Киево-Печерский монастырь, культурное и просветительское значение которого в Древней Руси общеизвестно.

Южнее Печерского монастыря, на берегу Днепра находился Выдубицкий монастырь. Обитель памятна тем, что здесь во времена

Владимира Мономаха игуменом был Сильвестр — составитель первого летописного свода, или так называемой «Повести временных лет».

Ни Киево-Печерский, ни, тем более, Выдубицкий монастырь не входили в то время в состав собственно города, как сегодня. Также не были частью Киева нынешние районы современного города, такие как Клов, Дорогожичи, Предславино и другие.

Левый берег Днепра также не входил в состав Киева. Труханов остров посреди Днепра был местом проведения княжеских съездов.

Отсутствие единства территории Киева сохранялось до позднего времени, рельефные и архитектурные особенности исторических частей города — Горы, Печерска и Подола — присутствуют и сегодня.

Немецкие источники сообщают, что в Киеве того времени было 400 церквей и 8 торгов, суздальская летопись говорит о том, что во время пожара 1124 года в Киеве «только церквей сгорело больше шестисот». Эти цифры, вероятно, преувеличены. Вместе с тем, как пишет Грушевский, в те времена богачи имели свои личные церкви во дворах.

Несмотря на строительный бум, не прекращавшийся вплоть до нашествия, большинство построек были из дерева. Валы,

окружавшие Киев, были земляными, значительной толщины, и их было очень сложно пробить. Поверх валов шли деревянные ограждения — заборолы, за которыми прятались защитники города. Именно на разрушение этих заборол были, в первую очередь, направлены силы татаро-монгольских захватчиков при штурме.

Таким был в древности Киев, за который беспрестанно сражались князья. Как говорил летописец, кто же мог отказаться от Киева — лучшего города Руси.

Глава вторая

НОВЫЙ ВРАГ

Враги приходили на Русь издавна. Были хазары, были варяги, приходили печенегы, которых раз и навсегда отвадил князь Ярослав Мудрый. На месте, где в 1036 году у стен Киева были разбиты печенегы, Ярослав приказал воздвигнуть храм — знаменитую теперь на весь мир Софию Киевскую.

Место печенегов очень быстро занял новый, еще более грозный враг — половцы. Лишь Владимир Мономах смог изгнать половцев с Руси, но и после этого они нередко совершали опустошительные набеги на русские земли.

Военные действия сменялись перемириями, во время которых заключались браки. На половчанках

были женаты сыновья Владимира Мономаха Юрий (Долгорукий) и Андрей. Половецких жен имели также Олег Черниговский и его сын Святослав. Сыновья князя Святослава — герои «Слова о полку Игореве», — собственно князь Игорь и его брат Всеволод, по крови были больше половцами, чем русскими. Сын Игоря, Владимир, в плену также женился на половецкой княжне.

Несмотря на то что в XIII веке половцы практически перестали беспокоить русские земли, они, в отличие от своих соплеменников — торков, берендеев, ковуев, черных клобуков, которые состояли на службе у русских князей, — так и не стали для Руси «своими». Но не половцам суждено было погубить Русь.

Новый враг появился оттуда, откуда он приходил и раньше — с востока, из степи.

Большому нашествию 1237–1240 годов предшествовала «разведка боем», осуществленная военачальниками Чингисхана Джебе и Субедеем в 1223 году.

После завоевания монголами Хорезма эти двое получили разрешение Чингисхана нанести удар по «западным землям». Разгромив Азербайджан и Грузию, они продвинулись на Северный Кавказ, где встретились с аланами (осетинами) и половцами.

Монголы, прельстив половцев подарками и разговорами о том, что они с ними «одного рода», разбили наголову осетин, а после этого и «братьев»-половцев. Затем монголы взяли Судак в Крыму, после чего перед ними открылась дорога на Русь.

Тем временем на Руси борьба за Киев не утихала, и князья на киевском столе менялись с невероятной скоростью.

Вместе с тем, непосредственно перед приходом татаро-монголов на Русь в Киеве наблюдалась относительная политическая стабильность. После изгнания Всеволода Чермного в 1212 году стольный град на многие годы оказался в руках княжеского рода Ростиславичей. Именно к этому роду принадлежал Мстислав Романович по прозвищу Старый, который первым из киевских князей столкнулся с монголами.

Таким образом, Мстислав Романович может считаться первым киевским князем монгольской поры, которая в Южной Руси продолжалась до второй половины XIV века, а на севере затянулась еще на одно столетие.

Удивительно то, что в русских летописях того времени совершенно нет сведений о появлении на восточных рубежах новой грозной силы.

О приближении врага сообщили половцы, чьи кочевья подверглись нападению монголов.

Половецкий хан Котян попросил о помощи своего зятя — галицкого князя Мстислава Мстиславича Удалого. Тот созвал в Киеве княжеский съезд, на котором и было решено выступить навстречу врагу.

Кампанию возглавили три влиятельных князя — три Мстислава. Помимо князя Галицкого в поход собрались со своими дружинами Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский. Всего же на монголов выступили 18 князей — преимущественно из Южной Руси — ни Новгород, ни Псков, ни даже Суздальская земля свои дружины не прислали (есть летописное сообщение, подвергаемое некоторыми историками сомнению, что дружина владимирского князя шла к месту битвы, однако повернула назад в районе Чернигова, когда стало известно о разгроме русских).

В этом же походе принял участие молодой князь Даниил, впоследствии известный как Даниил Галицкий.

Решающая битва произошла 31 мая 1223 года на реке Калке. Ей предшествовали стычки с передовыми монгольскими отрядами.

Монголы вновь решили применить хитрость — к русским князьям были направлены послы, которые, если верить летописи, сказали примерно следующее: «Мы с Русью войны не хотим и на вашу землю не посягаем. Воюем мы с половцами,

которые всегда были вашими врагами, а потому, если они бегут теперь к вам, — бейте их и забирайте себе их добро». Князья не прислушались к словам монголов и перебили послов.

Выдающийся русский историк Лев Гумилев полагал, что у монголов действительно не было в планах воевать Русь, так как их врагами на самом деле были половцы. Но, коль скоро русские приняли сторону половцев, к тому же были убиты монгольские послы, что считалось смертельным оскорблением, то теперь и они стали для монголов врагами.

Русские потерпели в битве на Калке сокрушительное поражение. Точное количество погибших нам неизвестно (в летописи говорится о гибели 10 тысяч киевлян, что является безусловным преувеличением), однако есть сведения, что погибли девять князей, то есть половина из принявших участие в походе. Среди них — и Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский.

Можно только догадываться о причинах поражения русских дружин. Наиболее убедительной является та, что изложена в Ипатьевской летописи, где говорится о «великой вражде» между тремя Мстиславами.

Битва на Калке показала всю суть того, что в это время происходило на Руси, прежде всего в

южной ее части. Постоянно ссорясь между собой, не находя элементарного компромисса, князья, имея безусловное преимущество, бездарно распорядились имеющимися в их распоряжении ресурсами, что и привело к бесславному краху.

Казалось бы, после столь сокрушительного поражения русские должны были озаботиться появлением у своих рубежей нового врага, однако этого не произошло. Как отмечают историки, в период после Калки до нашествия Батыея — а это почти 15 лет — в летописях нет ни одного упоминания о новой угрозе.

«Татары вернулись от Днепра, и не знаем, откуда пришли и где снова подевались — откуда их Бог привел за наши грехи», — цитирует современника тех событий Михаил Грушевский.

Как пишет в своей книге «Кризис средневековой Руси. 1200–1304» профессор Оксфордского университета Джон Феннел, «Печальные события 1223 года оставили у русских ощущение, что татары как бы растворились в степи. Русские расценили происшедшее как еще одно степное нашествие, которое, по крайней мере, принесло ту пользу, что нейтрализовало половцев».

Что ж, звучит вполне правдоподобно, что, однако, вовсе не оправдывает легкомыслие Руси.

Здесь следует привести один эпизод, который, вероятно, частично объяснит, с чем могло быть

связано столь, казалось бы, неадекватное поведение русских в отношении монголов, или, как принято говорить, татаро-монголов (монголо-татар).

Известный киевский археолог Глеб Ивакин в своей книге «Историческое развитие Киева XII — середины XVI веков» сообщает о любопытном факте. Так, по его словам, в «Истории сельджуков» Ибн Биби рассказывается о том, как из-за постоянных жалоб купцов на грабежи султан турок-сельджуков Ала ад Дин Кайкобау (Кей Кубад) в 1221 году отправил карательную экспедицию через «Хазарское море» (Черное), которая разрушила и разграбила город Согд. Некоторые историки считают, что речь идет о Судаке, хотя другие полагают, что это некий город на Кавказе. В любом случае, пострадавшей стороной оказались половцы, которые обратились за помощью к некоему русскому князю, имя которого, к сожалению, не названо.

Сельджуки разгромили половцев до подхода русских дружин, с которыми был заключен мир. Итогом мирного соглашения стал обмен подарками (по другим источникам, русские также приняли участие в битве и были разбиты, но все также закончилось замирением и подарками).

Сельджуки — выходцы из азиатских степей, отдаленно родственные половцам, завоевали сначала Среднюю, а затем и Малую Азию, отхватив

значительную территорию у слабеющей Византии. Уже их наследники — турки-османы — завершили разгром Византийской империи и создали современную Турцию, носившую долгое время название Османской империи.

Тем не менее, сельджуков постигла та же участь, что и русских с половцами, — Сельджукский (Конийский) султанат после поражения в 1243 году стал вассалом монгольских ханов, а потом и вовсе распался.

Даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы увидеть поразительное сходство между приведенным эпизодом из «Истории сельджуков» и событиями битвы на Калке. С той лишь разницей, что в первом случае все закончилось для русских благополучно, а во втором — не очень.

Трудно сказать, действительно ли идет речь об одном и том же событии. Вероятно, все же нет. Из летописей мы знаем, что противниками русских были именно монголы, а не кто-либо другой. Кроме того, сельджукская операция, если верить источнику, произошла двумя годами ранее.

Мы не знаем, кто был тот русский князь, который подозрительно не поспел к месту сражения. Это мог быть и Мстислав Киевский, и Мстислав Черниговский, или какой-то другой князь Южной Руси (ряд историков настаивает на том, что

это был рязанский князь, но у нас нет оснований утверждать это).

Учитывая то, что мы ничего не знаем об этом эпизоде из русских источников, можно предположить, что в действительности речь идет вообще не о князе, а о каком-нибудь более мелком феодале. Осмелимся предположить, что с сельджуками обменивались подарками вовсе не русские, а какие-то неустановленные обитатели причерноморских или приазовских степей — а таких было в те времена немало. Можно вспомнить, что еще со времен Владимира Святого по Днепру селились черные клобуки, имевшие собственных военачальников. Были еще некие бродники, которые, как известно, предали русских во время битвы на Калке. Эти последние обитали в степях Причерноморья и, очевидно, были смешанного тюрко-славянского происхождения (по крайней мере, они были православными). Они нередко участвовали в битвах русских с половцами, а также междоусобицах русских князей.

Даже если сельджуки не имели контактов с кем-либо из русских князей, в любом случае, наверняка об этом эпизоде на Руси было известно. Поэтому не исключено, что в связи с этим русские могли достаточно легкомысленно отнести к известию о появлении монголов, посчитав, что это — очередная карательная операция против

половцев и что это — очередной повод получить с пришельцев очередной гешефт.

Глава третья МЕЖДУ НАШЕСТВИЯМИ

1

После битвы на Калке, в которой погиб Мстислав Романович, на киевский стол сел князь Владимир Рюрикович, также принимавший участие в этом сражении.

Сын деятельного князя Рюрика Ростиславича, он, как и его отец, до вокняжения в столице сидел в Овруче, или, как его тогда называли, Вручии, который считался административным центром Киевской земли.

Время княжения Владимира Рюриковича, продлившееся до 1235 года, можно охарактеризовать как период относительной стабильности, сопровождавшейся, впрочем, вялой междоусобицей, которая не прекращалась ни до татаро-монгольского нашествия, ни после него.

«Если мы оглянемся на четырнадцатилетний временной промежуток между битвой на Калке и вторжением Батыея, мы, будучи на девятьсот лет мудрее, не сможем скрыть того чувства, что Русь

жила на время, как бы взятое взаймы, не вполне отдавая себе в этом отчет», — говорится в «Истории России» Георгия Вернадского.

В 1228 году Владимир Рюрикович отправился вместе с Михаилом Черниговским в поход против Даниила Галицкого. Но князья решили замирииться, и войны не произошло.

Но долгого мира также не получилось. «Еще весной 1231 года черниговские князья (и Михаил Всеволодович среди них. — *Авт.*) съезжаются «на соньмъ» в Киев, приятно пируют с Владимиром по случаю посвящения ростовского епископа, а уже следом Михаил (зимой 1232/33 года) выбирается на Владимира», — пишет Грушевский в своей многотомной «Истории Украины».

Теперь киевскому князю пришлось уже обращаться к Даниилу за помощью от посягательств Михаила. И снова трем князьям удалось договориться.

Грушевский был очень низкого мнения о Владимире Рюриковиче. «Подобно предшественнику это была достаточно бесцветная фигура, которая имела очень небольшое значение в современной политике», — пишет он.

В 1235 году шаткое спокойствие было нарушено. Как писал о том времени летописец, «не хотя исперва оканьнии, всепагубнии дьявол роду человеческому добра, въздвиже крамолу межи